http://rcin.org.pl

Egz. archiwalny IBL

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Fundacja im. I. I. Michalskich ze zbiorów

ПЛАКИДЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЯНКОВСКІЙ.

(John of Dycalp).

Подъ актомъ полоцкаго церковнаго собора, состоявшимся 12 февраля 1839 г. и упразднившемъ въ западныхъ нашихъ губерніяхъ унію, послѣ первоприсутствовавшаго на соборѣ, литовскаго епископа Іосифа Сѣмашка (впослѣдствіи митрополита), осьмнадцатымъ стоитъ имя, поставленное въ началѣ этой статьи. Уніятскій соборный протоіерей, ассессоръ литовской (виленской) консисторіи, Плакидъ Янковскій подписался подъ соборнымъ постановленіемъ, упразднившимъ унію, послѣ протоіерея Іоанна Щенсновича. Выше его находятся нѣкоторыя имена, получившія большую извѣстность послѣ упраздненія уніи. Таковы были, кромѣ самого Іосифа Сѣмашка,— Василій Лужинскій, епископъ оршанскій (нынѣ архіепископъ и членъ св. синода), Антоній Зубко, епископъ брестскій (нынѣ архіепископъ, живущій на покоѣ въ Ковнѣ), соборный протоіерей Михаилъ Голубовичъ (впослѣдствіи архіепископъ минскій, нынѣ живущій на покоѣ въ м. Жировицахъ) и ректоръ литовской семинаріи Фердинандъ (Ипполитъ) Гомолицкій. Плакидъ Янковскій такой извѣстности не имѣлъ: онъ былъ и оставался до самой смерти православнымъ протоіереемъ, сначала въ Жировицахъ, мѣстечкѣ слонимскаго уѣзда гродненской губерніи, потомъ въ Вильнѣ и Бѣлавичахъ, а затѣмъ опять въ Жировицахъ, гдѣ онъ прожилъ на покоѣ, въ качествѣ заштатнаго священника, послѣдніе годы своей жизни. Но этотъ никому неизвѣстный въ Россіи протоіерей пользовался большою извѣстностію въ польской литературѣ, какъ писатель, извѣстный подъ псевдонимомъ John'a of Dycalp'a [1]). Православный протоіерей и одновременно извѣстный польскій писатель,—явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ! Оно одно, надѣемся, обратитъ вниманіе читателя на личность Янковскаго, замѣчательную, между прочимъ, и въ исторіи далеко еще не разъясненныхъ русско-польскихъ отношеній. Какъ увидитъ читатель, Янковскій былъ не чужой и въ русской литературѣ. Во время нашего пребыванія въ Вильнѣ (1866—1868) намъ пришлось находиться съ нимъ въ довольно близкихъ, хотя и заочныхъ, отношеніяхъ; памяти его посвящается настоящій очеркъ.

Плакидъ Гавриловичъ Янковскій родился 20 сентября 1810 года въ деревнѣ Войской (Woiskei), брестскаго уѣзда гродненской губерніи, гдѣ отецъ его былъ уніятскимъ приходскимъ священникомъ. Родъ свой покойный протоіерей производилъ изъ Польши, изъ Мазовіи, гдѣ и до сихъ поръ распространена фамилія Янковскихъ, столько же польская, сколько малороссійская и бѣлорусская. Гавріилъ Янковскій, отецъ протоіерея, сначала служилъ подъ знаменами Костюшки, въ чинѣ поручика. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, онъ поселился въ брестскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ сказано, принялъ духовный санъ, переходившій въ фамиліи Янковскихъ наслѣдственно, отъ отца къ сыну. Уже одна эта наслѣдственная принадлежность къ уніятскому клиру, кажется, должна свидѣтельствовать о русскомъ происхожденіи Янковскихъ. У Гавріила Янковскаго было четверо дѣтей: сыновья Иванъ и Плакидъ, и дочери Анна и Екатерина. Впослѣдствіи Иванъ Янковскій, за принадлежность къ обществу филаретовъ, былъ сосланъ въ Вологду, гдѣ и умеръ. Анна Янковская

[1]) John—Иванъ, или Янъ; Dycalp—анаграмма имени Плакидъ.

6989

Zamieszczono wyrwy - nie przeciętny, nadzwyczajny

http://rcin.org.pl

была за мужемъ за священникомъ Скальскимъ, а сестра ея за профессоромъ (впослѣдствіи ректоромъ) литовской семинаріи, уже упомянутымъ Ипполитомъ (Фердинандомъ) Гомолицкимъ, однимъ изъ крупныхъ дѣятелей при упраздненіи уніи. Первоначальное образованіе Плакидъ Янковскій получилъ въ домѣ своего отца, гдѣ онъ прожилъ до 8-ми лѣтъ. По достиженіи этого возраста, его отдали на годъ въ свислочскую гимназію, откуда перевели въ брестскую базиліанскую (уніятскую) школу, бывшую на правахъ тогдашнихъ русскихъ гимназій; но, по сознанію покойнаго протоіерея, обязанный своимъ нравственнымъ развитіемъ «наилучшему изъ отцовъ», изъ этихъ школъ онъ вынесъ крайне мало. Онъ окончилъ курсъ въ брестской школѣ въ 1824 году и весь слѣдующій годъ провелъ дома, въ совершенной праздности. Въ 1826 г. онъ поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ такъ называемую главную семинарію, существовавшую при виленскомъ университетѣ (съ 1803 г.), въ качествѣ богословскаго факультета для католиковъ и уніятовъ, откуда вышли всѣ знаменитые дѣятели по упраздненію уніи. Окончивъ курсъ въ 1830 г. магистромъ богословія, Янковскій въ томъ же году поступилъ профессоромъ этого предмета въ литовскую семинарію, находившуюся тогда въ мѣстечкѣ Жировицахъ, гдѣ была тогда и уніятская консисторія. Семинарія эта была открыта въ 1828 году, при старыхъ уніятскихъ порядкахъ, еще далекихъ отъ возсоединенія съ православіемъ. Но въ 1830 г., послѣ ревизіи, произведенной епископомъ Сѣмашкой, она была совершенно преобразована, съ цѣлію подгототовленія къ этому возсоединенію. Стало быть, Янковскій, вступая на службу въ это училище, зналъ о характерѣ предстоящей ему дѣятельности. Въ 1831 г. первый польскій мятежъ и свирѣпствовавшая въ гродненской губерніи холера разогнали учениковъ и учителей жировицкой семинаріи. Молодой Янковскій отправился въ Вильну, гдѣ на досугѣ хотѣлъ заняться составленіемъ диссертаціи на степень доктора; но скудный запасъ его средствъ вскорѣ истощился, и онъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи. Къ счастію, въ немъ принялъ горячее участіе профессоръ Довгардъ, доставившій ему мѣсто домашняго учителя въ Бѣлоруссіи, именно въ могилевской губерніи, у маршалка (дворянскаго предводителя) Чудовскаго. Въ просвѣщенной семьѣ этого помѣщика, въ имѣніи Низахъ (Nizzach), чериковскаго уѣзда, онъ провелъ десять мѣсяцевъ, считая это время самымъ пріятнѣйшимъ въ своей молодости. «Я провелъ это время,—говоритъ Янковскій въ своихъ краткихъ запискахъ, составленныхъ имъ для дѣтей,—едва ли не съ большею пользою для себя, чѣмъ для тѣхъ, которыхъ долженъ былъ учить». Къ 1831 году, кажется, должно отнести полученіе имъ степени доктора богословія; въ краткихъ выпискахъ, сдѣланныхъ для насъ родными Янковскаго изъ упомянутой его автобіографіи, которыми мы пользуемся и которыми пользовался также г. Крашевскій, написавшій статью о Янковскомъ въ варшавскомъ «Иллюстрированномъ Ежегодникѣ» (Tygodnik Illustrowany), 1873 г., №№ 285 и 286, этого нѣтъ, какъ нѣтъ ничего и о другихъ замачательныхъ событіяхъ его жизни, напр. о времени, предшествовавшемъ упраздненію уніи. Въ 1832 г. Янковскій возвратился въ Жировицы къ своей должности и къ избранницѣ своего сердца, Еленѣ Тупальской, на которой онъ вскорѣ и женился. Въ томъ же 1832 г. онъ принялъ и священство, т. е. въ ту пору, когда вопросъ объ упраздненіи уніи былъ уже рѣшенъ въ принципѣ, чего не могъ не знать молодой профессоръ ни по своему служебному положенію, ни по своимъ отношеніямъ къ поборникамъ упраздненія. Во время первой ревизіи литовской (жировицкой) семинаріи Сѣмашкой (1830 г.) ректоромъ ея былъ Антоній Зубко, а предсѣдателемъ литовской консисторіи Антоній Тупальскій. Епископъ нашелъ семинарію въ отличномъ состояніи и главными виновниками ея процвѣтанія назвалъ этихъ двухъ лицъ. О. Морошкинъ, историкъ возсоединенія, называетъ жировицкую семинарію «главною мастерскою.. главнымъ центромъ развитія духа православно-русскаго»; какъ про-

скудный — S. Kapru

http://rcin.org.pl

фессоръ богословія, Янковскій, по меньшей мѣрѣ, не могъ относиться пассивно къ этому движенію. Отъ энергическаго, не разъ посѣщавшаго семинарію епископа Сѣмашка мудрено было укрыться какимъ-нибудь антивозсоединительнымъ тенденціямъ: онъ, какъ это видно даже изъ сочиненія покойнаго Морошкина (см. «Вѣстникъ Европы» 1872 г., кн. IV, VI—IX), съ ними не церемонился. Если предположить даже въ Янковскомъ тщательно скрываемую антипатію къ возсоединенію, т. е. полнѣйшій разладъ съ самимъ собою, то обстоятельства, при которыхъ началась его вторичная дѣятельность въ Жировицахъ, ни коимъ образомъ не допускаютъ этого предположенія. Новые родные и сослуживцы Янковскаго, будучи довѣренными лицами епископа Іосифа, имѣли большое вліяніе на молодаго профессора. Ректоромъ семинаріи въ 1332 г. былъ зять Янковскаго, Ипполитъ Гомолицкій, мужъ сестры его Анны; Антоній Тупальскій, подписавшійся седьмымъ подъ актомъ полоцкаго собора, вскорѣ сдѣлался его другомъ. Фамилія Тупальскихъ была очень обширная; она состояла въ это время изъ матери, четырехъ братьевъ, пяти сестеръ, одного дяди и множества боковыхъ родственниковъ. Находились ли въ какомъ-нибудь родствѣ съ этой фамиліей виленскіе римско-католическіе прелаты Тупальскіе, изъ которыхъ одинъ недавно окончилъ жизнь свою самымъ печальнымъ образомъ, будучи зарѣзанъ своимъ слугою,—намъ не извѣстно. П Г. Янковскій, въ письмахъ своихъ къ г. Крашевскому, выражается о Тупальскихъ самымъ сочувственнымъ образомъ, а тещу свою называетъ «свѣтиломъ того семейнаго счастія, такъ рѣдкаго и такъ безпримѣрнаго, что сами ангелы не погнушались бы придти сюда и отдохнуть». Кромѣ названныхъ лицъ, въ Жировицахъ же находился въ это время близкій родственникъ и товарищъ Янковскаго по виленскому университету, профессоръ семинаріи и членъ (а съ 1839 г. вице-предсѣдатель) литовской консисторіи, вышеупомянутый протоіерей Михаилъ Голубовичъ, впослѣдствіи минскій архіепископъ. Всѣ эти родственныя связи и отношенія съ людьми, подвизавшимися при упраздненіи уніи, должны были имѣть сильное вліяніе на молодаго профессора. Въ санѣ протоіерея застаетъ Янковскаго знаменитый 1839-й годъ, уничтожившій въ западныхъ губерніяхъ Россіи унію, застаетъ въ положеніи, неоспоримо доказывающемъ полное довѣріе къ нему архіепископа Іосифа Сѣмашка и ближайшаго помощника его, епископа Антонія Зубка.

Унія съ началомъ XIX вѣка потеряла свой суровый характеръ и свой рьяный прозелитизмъ, чѣмъ она отличалась еще въ концѣ прошлаго столѣтія, при Екатеринѣ II и даже при Павлѣ. О притѣсненіи православныхъ, о грубомъ насиліи надъ ними, въ эпоху Александра I, тѣмъ болѣе при покойномъ государѣ, конечно, не могло быть и рѣчи; но замѣчательно, чѣмъ крѣпче притягивало къ себѣ государство такъ называемыя, «возвращенныя отъ Польши губерніи», тѣмъ сильнѣе въ этихъ губерніяхъ распространялась полонизація. Въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ трудовъ (С. А. Понятовскій въ Гродно и Литвѣ въ 1794—1797 г.») мы говорили, что русская гражданственность при Екатеринѣ II и Павлѣ сдѣлала самыя скудныя завоеванія не только въ Литвѣ, но и въ Бѣлоруссіи; впослѣдствіи и эти завоеванія почти всѣ были утрачены. Край, нѣкогда вполнѣ русскій,—хотя и особеннаго, не восточнорусскаго типа,—становился неузнаваемъ: онъ совершенно измѣнилъ свой характеръ, полячился, терялъ свои національные черты, даже свои древніе памятники. Все это было, въ среднемъ сословіи, въ духовенствѣ и въ городскомъ населеніи, дѣломъ польской гражданственности и культуры, не встрѣчавшихъ въ краѣ ни малѣйшаго отпора, а въ низшемъ, въ простомъ народѣ,—церковной уніи. Высшее сословіе края, дворянство, въ Литвѣ почти сплошь, а въ Бѣлоруссіи частію, давно стало вполнѣ польскимъ, не ополяченнымъ, какъ у насъ выражаются, а—поляками. Но ополяченный было вполнѣ приложимо къ уніятскому духовенству, которое не только въ домашнемъ быту, но и въ письменныхъ сношеніяхъ, даже въ церкви, употребляло польскій языкъ; жены уніятскихъ

http://rcin.org.pl

священниковъ, едва ли не въ большинствѣ, были чистокровными польками; наконецъ, въ средѣ уніятскаго клира было не мало людей не только вполнѣ польскаго происхожденія, но и съ католическими симпатіями. Національное и исповѣдное безразличіе дошло до того, что въ одной и той же семьѣ одинъ братъ былъ уніятскимъ, другой — католическимъ священникомъ; уніятскіе и католическіе священники не рѣдко совершали богослуженіе въ храмахъ обоихъ вѣроисповѣданій безразлично. За исключеніемъ церковно-славянскаго языка, употреблявшагося при уніятскомъ богослуженіи, въ духовенствѣ его почти ничего не оставалось русскаго и даже терялось сознаніе о русскомъ происхожденіи: говоримъ о массѣ, а не объ исключеніяхъ и единицахъ. Если высшее уніятское духовенство, съ основанія главной семинаріи при виленскомъ университетѣ, стало получать научное образованіе, т. е. возможность изучать свое прошлое, думать о немъ и до чего-нибудь додуматься, то низшее, сельскіе священники, получали самое жалкое богословское образованіе, несравненно слабѣйшее, чѣмъ въ тогдашнихъ православныхъ семинаріяхъ; во всякомъ случаѣ оно было плохимъ проводникомъ русскаго духа и гражданственности. На простой народъ, крестьянъ, унія производила тоже притупляющее вліяніе, постепенно стиравшее національныя черты его и особенности. И здѣсь, правда, господствовала полнѣйшая вѣротерпимость, столь необходимая для населенія разноплеменнаго и разновѣрнаго; но эта вѣротерпимость уже начала переходить въ религіозный индифферентизмъ, который если и былъ для чего нибудь полезенъ, то никакъ уже не русскимъ интересамъ, письменнымъ и религіознымъ. Христіанская церковь, какъ извѣстно, вездѣ и всегда является первымъ и могучимъ факторомъ гражданственности. Въ восточной Европѣ, гдѣ появилось два государства и гдѣ столкнулись двѣ гражданственности, русская и польская, такими факторами были: церковь православная съ исключительно-русскимъ, и церковь католическая съ исключительно - польскимъ языкомъ. Борьба между ними была тѣмъ упорнѣе, что она велась во имя не однихъ исповѣдныхъ, но и національныхъ интересовъ; поэтому и торжество было двоякое, – церковное и политическое, національное. Польское созданіе, компромиссъ между враждующими исповѣданіями, унія въ концѣ концовъ должна была стать носительницею польской гражданственности, чѣмъ она дѣйствительно и становилась, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ она дѣлалась мягче; даже самое образованіе уніятскаго духовенства, еслибы оно распространилось во всей его массѣ, не принесло бы пользы русскому дѣлу, такъ какъ въ краѣ, кромѣ польскаго, другаго не было. При иныхъ политическихъ условіяхъ, унія, потерявшая свой raison d'être, была уже готова слиться съ католичествомъ, исчезнуть; но этого сліянія ни въ какомъ случаѣ, даже при свободѣ совѣсти, не могло допустить государство, не отказавшись отъ своей исторической миссіи. Впрочемъ, государству не могли быть извѣстны такія пожеланія, о которыхъ поборники ихъ боялись громко заявить, дѣйствуя въ тиши и довольствуясь блестящими результатами своей работы. Къ сожалѣнію наше правительство, надѣясь на государственную силу, не обращало тогда никакого вниманія на иныя силы, — какъ историческое, философское или культурное движеніе, единственно способныя и пригодныя для борьбы съ поляками; мало того, — наше правительство болѣе чѣмъ подозрительно смотрѣло тогда на подобное движеніе; не будь этого подозрѣнія, славянофильство и украйнофильство, эти самые опасные враги польскихъ притязаній, явились бы гораздо ранѣе 40-хъ годовъ, съ своимъ знаменемъ православія и русской народности. Словомъ, въ 20 — 30 годахъ судьба уніятскаго дѣла была совершенно предоставлена на жертву полякамъ. Громадное большинство тогдашняго уніятскаго духовенства не могло думать о сліяніи съ православіемъ и по той причинѣ, что все польское (языкъ, образованіе, церковь, бытовое отношеніе и т. п.) было ему ближе, знакомѣе, сподручнѣе. Мысль объ этомъ сліяніи, исторически неизбѣжномъ, могла явиться только въ умахъ немногихъ, избранныхъ. Она вышла оттуда, откуда, повидимому, менѣе всего мож-

http://rcin.org.pl

но было ее ожидать, — изъ самой, такъ сказать, лабораторіи польской цивилизаціи, изъ виленскаго университета. Въ нашей литературѣ не разъ было говорено о полонизующемъ значеніи виленскаго университета, но почти ничего, или очень мало, о значеніи его въ другомъ смыслѣ. Виленскому университету историческая наука обязана открытіемъ Литвы, Литовской Руси (что у насъ приписывается учебнику Устрялова). При болѣе благопріятныхъ условіяхъ, на почвѣ, воздѣланной университетомъ, могло вполнѣ развиться de facto уже появившееся литвофильство, а изъ него со временемъ и бѣлоруссофильство. Если литвофильскіе писатели и принадлежали къ польской литературѣ, если они и не могли стать во враждебное положеніе къ полякамъ, а напротивъ подозрѣвали польскія симпатіи и идеализировали литовско-польскія отношенія, за то, съ другой стороны, они совершенно выдѣлили изъ Польши, какъ самостоятельное цѣлое, Литовскую Россію. Это выдѣленіе, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, при существованіи университета въ западномъ краѣ, (конечно, русскаго) повело бы, естественно, къ русскимъ симпатіямъ и привело бы къ образованію бѣлоруссофильства (явившагося, какъ увидимъ, заднимъ числомъ) и къ борьбѣ его съ литвофилами, исходъ которой былъ бы не въ пользу польскихъ притязаній. Во всякомъ случаѣ, литвофильское движеніе не миновало уніятской молодежи, обучавшейся въ главной семинаріи, и вообще университетское образованіе положило на нее свою рѣзкую печать. Къ этой молодежи принадлежали разновременно: Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій, Антоній Зубко, Михаилъ Голубовичъ, Плакидъ Янковскій и др. лица, которымъ Россія обязана упраздненіемъ уніи. Мы еще не имѣемъ не только обстоятельной исторіи «упраздненія», но не можемъ даже похвастаться вполнѣ удовлетворительными и безпристрастными монографіями; наконецъ, у насъ почти ничего не издано изъ подготовительныхъ матеріаловъ. Обширные записки митрополита Іосифа, нынѣ принадлежащія академіи наукъ, едвали скоро появятся въ свѣтъ; другіе его современники и сподвижники, если и писали записки, то онѣ до сихъ поръ остаются неизвѣстными русской публикѣ, за исключеніемъ небольшой статьи преосвященнаго Антонія (Зубка), напечатанной въ 1865 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ». При теперешнемъ состояніи источниковъ, мы лишены возможности опредѣлить съ точностію: что именно въ дѣлѣ упраздненія уніи принадлежитъ поборникамъ этого акта, ихъ иниціативѣ, энергіи, — и что дѣлалось по иниціативѣ и желанію самого правительства? Но какъ ни велики были средства и настоянія правительства въ этомъ дѣлѣ, все же заслуга Сѣмашка и его сподвижниковъ остается громадной исторической заслугой. Упраздненіе уніи — это первый жизненный актъ обрусенія нашихъ западныхъ губерній, передъ которымъ стушевываются всѣ позднѣйшіе, за исключеніемъ освобожденія крестьянъ. Оно нанесло великій ударъ польскимъ притязаніямъ, съ которымъ по силѣ можно только сравнить отдѣленіе Малороссіи: не даромъ поляки ненавидятъ митрополита Іосифа не менѣе искренно, чѣмъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Конечно, между литовскимъ архіепископомъ (митрополитомъ съ 1852 г.) Сѣмашкой, человѣкомъ непреклонной воли и неутомимой энергіи, и мягкимъ, можно сказать, женственнымъ по натурѣ священникомъ Янковскимъ была большая разница; но, при различіи положенія, способностей, характеровъ и т. п., всѣ дѣятели упраздненія имѣли и черты, обусловливаемыя одинаковостію образованія, школы, изъ которой они вышли и гдѣ сложились ихъ понятія, вкусы, привычки. Возведенные въ высшія степени нашей церковной іерархіи, они рѣзко отличались отъ нашихъ восточныхъ іерарховъ и священнослужителей, прошедшихъ черезъ бурсы и духовныя академіи; они ближе стояли къ свѣтскимъ образованнымъ людямъ, хотя, быть можетъ, и въ ущербъ глубины богословской учености. Даже изъ сочиненія Морошкина, не представляющаго послѣдняго слова въ исторіи упраздненія уніи, видно, что архіепископъ Іосифъ не отличался мягкими нервами и что къ разъ задуманной цѣли онъ шелъ твердо, не останавливаясь передъ крѣпкими мѣ-

http://rcin.org.pl

рами; но, тѣмъ не менѣе, едва ли въ какомъ дѣлѣ наименѣе употреблялось этихъ мѣръ, какъ при упраздненіи уніи. По свидѣтельству современниковъ и по разсказамъ втораго поколѣнія экс-уніятовъ, слышанымъ нами, архіепископъ проявлялъ даже нѣкоторую деликатность по отношенію къ возсоединеннымъ, щадя ихъ привычки и даже предразсудки. Намъ самимъ, назадъ тому ровно десять лѣтъ, пришлось слышать изъ устъ престарѣлаго митрополита совѣтъ «снисходительнѣе относиться къ чужой жизни и избѣгать ломокъ» (рѣчь шла о педагогическихъ вопросахъ).

По упраздненіи уніи, Янковскій оставался въ Жировицахъ при прежнихъ своихъ обязанностяхъ профессора семинаріи и члена консисторіи, до 1845 г. Подобно своимъ товарищамъ по «упраздненію», протоіерей Янковскій быстро повышался по службѣ: онъ получилъ золотой наперстный крестъ, ордена св. Анны 3 и 2 степени и званіе вице-президента консисторіи. Останавливаемся на этихъ наградахъ потому, что онѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о расположеніи къ Янковскому архіепископа Іосифа и въ то же самое время показываютъ, что покойный протоіерей не принадлежалъ къ категоріи лицъ, недовольныхъ «упраздненіемъ», что, подписывая актъ «возсоединенія», онъ это дѣлалъ сознательно, свободно, безъ всякаго внѣшняго давленія, не побуждаемый даже семейными обстоятельствами, какъ, напр., «кучею дѣтей» (на что указываютъ нѣкоторые), которыхъ въ ту пору у него еще и быть не могло. Все, что сказать о немъ можно, какъ объ участникѣ въ дѣлѣ и въ актѣ упраздненія, — онъ не былъ дѣятелемъ рьянымъ, энергичнымъ и на оканчательный шагъ онъ могъ рѣшиться только послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою. Если это и было такъ, то причина борьбы лежала не на совѣсти Янковскаго, заключалась не въ матеріальныхъ причинахъ, а въ большой свободѣ, какою пользовалось уніятское духовенство сравнительно съ православнымъ. Янковскій былъ польскій писатель; онъ, если не ошибаемся, одинъ изъ всѣхъ его товарищей воспользовался привилегіей, предоставленной возсоединенному духовенству, — онъ не носилъ бороды, ни рясы до самой смерти, какъ и изображенъ на прилагаемомъ здѣсь портретѣ. Эти два обстоятельства послужили впослѣдствіи предлогомъ заподозрить покойнаго протоіерея въ неискренности, въ польскихъ симпатіяхъ и въ русскихъ антипатіяхъ; съ польской точки зрѣнія выгодно было разсуждать о «гнетущихъ обстоятельствахъ, бѣдности, кучѣ дѣтей» и т. п. Поляки, какъ извѣстно, до болѣзненности ревниво и романтично относятся ко всему своему, тѣмъ болѣе когда это «свое» оказывается принадлежащимъ Россіи и русскимъ. Между тѣмъ какъ исторія съ рясой и бородою была гораздо проще и не имѣла въ себѣ ничего протестующаго. Въ началѣ все возсоединенное духовенство (за исключеніемъ архіепископа) было въ томъ же видѣ, какъ и Янковскій, и только въ послѣдствіи надѣло рясы и отпустило бороды. Не всѣмъ нравился новый костюмъ, не всѣ надѣвали его охотно; но знаменитый виновникъ упраздненія уніи, чтобы расположить нежелающихъ къ перемѣнѣ, придумалъ остроумное средство: въ награду за усердную службу, онъ дозволялъ священникамъ носить рясу и бороду! Это обязательное дозволеніе архіепископъ Сѣмашко не распространилъ на Янковскаго, какъ на одного изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ, какъ человѣка образованнаго, щадя его привычки и оригинальность, надъ которой онъ только нѣсколько подтрунивалъ. «Передайте Янковскому — говаривалъ митрополитъ — что теперь всѣ носятъ бороду и что даже самъ папа хочетъ отпустить ее».

Перенесеніе литовской семинаріи и консисторіи въ Вильну (въ 1845 г.) заставило и Янковскаго переселиться въ этотъ городъ, куда отправился онъ весьма неохотно, жалѣя покинуть любимыя имъ Жировицы. Здѣсь въ первый разъ встрѣтился съ нимъ г. Крашевскій, авторъ его некролога. «Мы нашли его — говоритъ г. Крашевскій — такимъ, какимъ и надѣялись найдти: чувствительнымъ, сердечнымъ, живымъ, веселымъ, какъ и его письма, только подъ этимъ весельемъ скрывалась какая-то тоска. Такая смѣсь тоски и веселости составляетъ

подтрунивать — подшучивать
Куча — Купа, груда

http://rcin.org.pl

характеристическую черту какъ его личности, такъ и его писемъ (они переписывались съ 1841 г.)». Въ Вильнѣ Янковскій пробылъ около 2-хъ лѣтъ, до 1847 года. Привычка къ тихой, уединенной жизни, склонность къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ, сравнительная дороговизна городской жизни, при его небольшихъ средствахъ и громадной семьѣ (въ это время у него было пятеро своихъ и шестеро сиротъ умершей сестры его Гомолицкой), а также слабое по природѣ и разстроенное отъ усидчивыхъ занятій здоровье заставили его просить о переводѣ приходскимъ священникомъ и благочиннымъ въ мѣстечко Бѣлавичи, слонимскаго уѣзда, въ имѣніе помѣщика Пусловскаго. Были-ли у него какія служебныя причины къ такому переходу, —не знаемъ; но несомнѣнно одно, что онъ не потерялъ благосклонности къ себѣ архіепископа Іосифа и что, живя въ Бѣлавичахъ и находясь въ добрыхъ отношеніяхъ съ семействомъ Пусловскихъ, онъ долго скучалъ по Вильнѣ. «Скучно было мнѣ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ г. Крашевскому,—оставлять Вильну, тѣмъ болѣе что, кромѣ нѣсколькихъ талантовъ, я нашелъ и оставилъ тамъ людей истинно ученыхъ, какихъ только и можно найдти у насъ въ одной Вильнѣ». Въ это время Янковскій пользовался уже большою извѣстностью въ польской литературѣ. Въ Бѣлавичахъ онъ прожилъ около 10-ти лѣтъ, до 1858 г. Окончательно разбитое здоровье заставило его проситься на покой въ свои любимыя Жировицы, куда онъ и былъ уволенъ съ пенсіею и гдѣ прожилъ 14 лѣтъ, до самой смерти, воспослѣдовавшей 28 февраля 1872 года, въ совершенномъ уединеніи и отчужденіи отъ свѣта, оставленный и забытый тѣми, которые нѣкогда считали его своимъ.

Говорить о значеніи Янковскаго въ польской литературѣ не входитъ въ планъ нашей задачи. Въ варшавской журналистикѣ, на сколько намъ извѣстно, по поводу его смерти было высказано два совершенно противуположныя мнѣнія о его литературной дѣятельности,—сочувственное въ «Варшавской Газетѣ» и въ «Иллюстрированномъ Ежегодникѣ» (въ статьѣ г. Крашевскаго) и несочувственное въ «Литературномъ Ежегодникѣ» (Rocznik Literacky). Несомнѣнно одно, что Янковскій въ 40-хъ и 50-хъ годахъ принадлежалъ къ числу наиболѣе читаемыхъ польскихъ писателей. Склонность къ литературнымъ занятіямъ Плакидъ Гавриловичъ вынесъ изъ виленскаго университета, гдѣ, въ числѣ его товарищей, находились извѣстные впослѣдствіи польскіе писатели: Игнатій Головинскій (бывшій рим. католическимъ митрополитомъ въ Россіи), гр. Генрихъ Ржевусскій и Михаилъ Грабовскій. Виленскій ученый и литературный кружокъ 40-хъ годовъ имѣлъ на него неоспоримо большое вліяніе. Янковскій началъ писать еще съ 30-хъ годовъ, прозою и стихами; но наибольшая его литературная производительность относится къ 40-мъ и 50-мъ годамъ, т. е. ко времени уже послѣ возсоединенія, къ порѣ его втораго пребыванія въ Жировицахъ, Вильнѣ и Бѣлавичахъ, когда онъ уже былъ православнымъ священникомъ. Писалъ онъ очерки, разсказы, повѣсти; но одна беллетристическая производительность его не удовлетворяла. Онъ очень много занимался изученіемъ языковъ, свободно читалъ пофранцузски, понѣмецки, поанглійски и поитальянски и любилъ переводить на языкъ Мицкевича произведенія Шекспира, Гёте и Манцони. Читатель увидитъ, что и русскимъ языкомъ Янковскій владѣлъ въ совершенствѣ. Писатель онъ былъ весьма плодовитый: намъ извѣстно, хотя большею частію только по имени, болѣе двадцати его піесъ, довольно крупныхъ. Уединенная и совершенно кабинетная жизнь оставляла ему, кромѣ авторства и исполненія служебныхъ обязанностей, къ которымъ онъ относился весьма добросовѣстно, еще много досуга, который онъ употреблялъ на чтеніе книгъ, преимущественно философскаго, религіознаго и историческаго содержанія. По свидѣтельству г. Крашевскаго, онъ велъ также обширную переписку съ польскими литераторами и учеными. Эта польская литературная дѣятельность и это дружеское общеніе съ поляками православнаго протоіерея были на виду у всѣхъ и предъ глазами самаго архіепископа Іосифа. Онѣ ни для кого не составляли тайны и ничего не только предосудительнаго, но и страннаго, по мнѣнію всѣхъ эксуніятовъ, въ

некогда — теперь
http://rcin.org.pl

П. Г. Янковскій.

Съ портрета, приложеннаго къ № 285 варшавскаго «Иллюстрированнаго Еженедѣльника», 1873 г.

Рисов. на камнѣ П. Борель.

«ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ», Т. II, 1876 г.

Дозволено цензурою. Спб., 11 мая 1876 г. Литографія В. Граціанскаго, Невскій, 46.

http://rcin.org.pl

F. 6989

http://rcin.org.pl

себѣ не имѣли и не могли имѣть. Нужно ли доказывать почему,—если мы не забудемъ, что для перваго поколѣнія «возсоединившихся» языкъ польскій былъ почти роднымъ, и если скажемъ, что многочисленныя родственники самого митрополита, разсѣянные въ литовской епархіи, въ своемъ домашнемъ обиходѣ другаго языка не употребляли? Только одинъ онъ, какъ намъ передавали, съ 1839 г., со дня «упраздненія», иначе не объяснялся съ ними, какъ по русски. Можно ли удивляться, что возсоединенные, подобные Янковскому, люди съ литературными вкусами и стремленіями, вмѣсто того чтобы пристать къ русской, примкнули къ польской литературѣ, когда о первой они знали только по слуху, когда въ громадномъ краѣ, составляющемъ Литву и Бѣлоруссію, не было высшаго русскаго учебнаго заведенія, русской газеты, русской культуры, и когда русскіе люди, появлявшіеся въ краѣ съ востока, спѣшили усвоить себѣ польскій языкъ и культуру? Удивляться здѣсь нечему, кромѣ нашей тогдашней недальновидности.

Г. Крашевскій разсказываетъ, что съ 1842 г. Янковскаго очень много и очень долго занимала мысль объ изданіи литовскихъ типовъ, по примѣру выходившихъ тогда въ Парижѣ «Les Français peints par eux mêmes». Г. Крашевскій приглашенъ былъ покойнымъ протоіереемъ къ участію въ этомъ изданіи, которое, полагаемъ, не состоялось по тогдашнимъ цензурнымъ обстоятельствамъ. Большой домосѣдъ, Янковскій, кажется съ цѣлію добыть матеріалы, сдѣлалъ въ томъ же 1842 г., по лѣту, небольшую этнографическую и археологическую экскурсію. Онъ отправился въ Новогрудокъ, минской губерніи, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ развалины замка Миндовга. По статьѣ г. Крашевскаго можно догадываться, что Янковскій былъ большой литвофилъ,—направленіе, вполнѣ объясняемое мѣстомъ его образованія. Если согласиться со взглядомъ польскаго «Литературнаго Ежегодника», признающаго въ протоіереѣ Янковскомъ писателя теперь уже устарѣвшаго, съ небольшимъ, второстепеннымъ дарованіемъ, то и тогда личность его остается весьма типичной, — какъ литератора стараго времени, какъ идеалиста 30 — 40-хъ годовъ, очутившагося въ санѣ священника. Его мало интересовала дѣйствительная жизнь; его мягкая натура, можетъ быть, изнемогала и утомилась подъ тяжестью событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Онъ весь ушелъ въ міръ идеальный, книжный, міръ литературы и науки; онъ буквально бѣжалъ отъ людей и почти цѣлую четверть вѣка прожилъ въ деревенскомъ затворѣ.

Послѣ всего сказаннаго, читатель въ правѣ предложить намъ вопросъ о національности Янковскаго. Кто же былъ—спроситъ онъ—этотъ православный протоіерей и вмѣстѣ съ тѣмъ польскій писатель, полякъ или русскій?—Откровенно сознаемся, мы затрудняемся въ категорическомъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, да и самый вопросъ въ данномъ случаѣ не считаемъ существенно—важнымъ. Въ другомъ нашемъ трудѣ, посвященномъ исторіи Литвы и русско-польскимъ отношеніямъ, до и послѣ раздѣла Рѣчи Посполитой, мы проводили ту мысль, что въ нашемъ западномъ краѣ племенное родство, общность и перепутанность отношеній польскихъ и литовско-бѣлорусскихъ были, и остаются почти до послѣдняго времени, до такой степени велики, что, дѣйствительно, не легко опредѣлить: гдѣ оканчивается польскій и гдѣ начинается русскій элементъ и обратно. Поэтому, до упраздненія уніи и даже до послѣдняго польскаго мятежа не рѣдкость было встрѣтить чистокровныхъ, по происхожденію, бѣлоруссовъ, пренаивно считавшихъ себя поляками, уже не говоря о литвинахъ, такъ какъ ихъ народность никогда не имѣла своей гражданственности, а потому, цивилизуясь, естественно становилась русской, польской или нѣмецкой. Но, кромѣ этой близости, племенной и бытовой, нельзя забывать о тѣхъ громадныхъ завоеваніяхъ польской культуры, которыя распространялись въ краѣ съ неудержимою силою. Уніятское духовенство, въ моментъ упраздненія уніи, состояло изъ бѣлоруссовъ, литвиновъ, частію малоруссовъ и поляковъ; принявъ-же литовцевъ и поляковъ за одну національность, мы

http://rcin.org.pl

получимъ въ немъ значительный польскій процентъ. Самъ митрополитъ Іосифъ былъ чистый малоруссъ и такимъ онъ всегда признавалъ себя. Его ближайшіе сподвижники, на сколько намъ извѣстно, были или бѣлоруссы, или литвины,—иначе, были людьми, сознававшими свое непольское происхожденіе, но въ тоже время самихъ себя считавшими поляками; такъ, по крайней мѣрѣ, думало большинство. Янковскій, по своему образованію, по своему литвофильству, не могъ считать себя полякомъ, какъ не считаютъ себя французами бельгійцы и жители нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи, говорящіе пофранцузски. Для товарищей и современниковъ Янковскаго, для возсоединенныхъ уніятовъ, жгучимъ вопросомъ была не національность, а вѣроисповѣдность. Вопросъ о національности долженъ былъ явиться для нихъ послѣ,—а, явившись, онъ долженъ былъ смутить многихъ; ибо православіе тѣсно соединялось съ русскою національностію, къ которой не всѣ сподвижники Сѣмашка могли относиться симпатично, не всѣ могли знать ее, далеко не всѣ были подготовлены, чтобы съ нею слиться. Янковскій могъ принадлежать къ числу этихъ смущенныхъ; но этого предположенія ни доказать, не опровергнуть не чѣмъ. Великіе историческіе процессы, какъ бы ни были благотворны ихъ послѣдствія, переживаются не легко; не легко пережили, безъ всякаго сомнѣнія, фактъ «возсоединенія» многіе изъ современниковъ Янковскаго. Самъ онъ ушелъ въ себя, пожалуй, не по одной страсти къ учено-литературнымъ занятіямъ, не по одной слабости здоровья, дѣйствительно, хилаго, а, можетъ быть, и по причинѣ какихъ-либо психическихъ потрясеній. Но идти далѣе въ разсужденіяхъ на эту тему, добиваться отъ дѣятелей «упраздненія» того, на что они сами отвѣчать не могутъ, такъ какъ не всѣ наши вопросы приходили имъ въ ту эпоху даже на мысль,—поступать такимъ образомъ, значитъ, или вторгаться въ область ни къ чему не ведущихъ предположеній, или становиться на польскую точку зрѣнія, съ которой Янковскій кажется жертвой едвали не всѣхъ и всего,—и кучи дѣтей, и родныхъ, и митрополита Іосифа. Но всѣ доводы романтическаго взгляда на покойнаго протоіерея достаточно опровергаются нашимъ очеркомъ. Янковскій любилъ польскій языкъ и литературу; но одновременно съ тѣмъ, какъ началась его польская литературная дѣятельность, онъ велъ, такъ сказать, и русскую литературную пропаганду съ каѳедры, какъ профессоръ и какъ составитель лекцій; одновременно съ успѣхами въ польской литературѣ, онъ вырабатывалъ себѣ ту блестящую русскую литературную рѣчь, которою потомъ владѣлъ на зависть людямъ, укорявшимъ его въ полонофильствѣ. Здѣсь будетъ умѣстно привести отзывъ о Янковскомъ, сообщенный намъ лицомъ не только близко къ нему стоявшимъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, но находившимся съ нимъ въ самомъ искреннемъ, дружескомъ общеніи. Не имѣя права назвать это лицо по имени, замѣтимъ только, что оно занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей духовной іерархіи и чистокровнаго великорусскаго происхожденія:

«Янковскій былъ русскимъ на столько, на сколько способенъ быть и сдѣлаться русскимъ всякій другой, получившій польское образованіе. По моему крайнему убѣжденію, было бы очень желательно, чтобы многіе коренные русскіе были такими же русскими, какими были Янковскій, Сѣмашко, Лужинскій, Зубко, Голубовичъ и друг.; преданность Россіи они доказали не на словахъ только, а самымъ дѣломъ. Не удивляйтесь, что нѣкоторые называли Янковскаго полякомъ, всегда бывшимъ и оставшимся таковымъ до конца: припомните, что недавно еще и всѣхъ насъ, прожившихъ нѣсколько лѣтъ въ западномъ краѣ, честили поляками, полякующими, ополяченными и т. п. кличками! Вздоръ также, не стоющій опроверженія, что Янковскій навсегда остался уніятомъ. Онъ родился, правда, уніятомъ и, въ силу особенно сложившихся обстоятельствъ, но безъ особеннаго призванія, сдѣлался уніятскимъ священникомъ. Но полученное имъ высшее университетское образованіе дѣлало его до нѣкоторой степени индиферентнымъ въ исповѣдныхъ вопросахъ. Тоже образованіе убѣдило его, что уніи пришелъ конецъ,

http://rcin.org.pl

что она далѣе существовать не можетъ и недолжна, что между нею и православіемъ ничтожная разница, едва примѣтная для самаго просвѣщеннаго человѣка; поэтому онъ, въ силу этихъ убѣжденій, а не вынужденно, не только самъ присоединился, но и многихъ другихъ присоединилъ къ православію. Во время его профессорства по догматическому богословію цѣлыя сотни уніятскихъ священниковъ 30-хъ годовъ были подготовлены имъ къ присоединенію. Да, исключительно Янковскому и сотруднику его и зятю, Ипполиту Гомолицкому, обязана православная церковь пріобрѣтеніемъ изъ уніи лучшаго духовенства. Авторитетъ Янковскаго и вліяніе его на духовенство были громадны,— и тамъ, гдѣ часто мѣстная духовная власть была бездѣйственна, нѣсколькихъ убѣдительныхъ словъ Янковскаго было достаточно, чтобы уничтожить упрямство самыхъ закоренѣлыхъ. Вотъ почему покойный митрополитъ Сѣмашко очень скоро узналъ и между многими отличилъ Янковскаго. Митрополитъ Іосифъ, мнѣ положительно извѣстно, питалъ къ покойному Янковскому самое искреннее довѣріе и любовь,— чувства, которыя сохранились въ немъ до самой его смерти. Пастырское, истинно апостольское служеніе Янковскаго въ Бѣлавичахъ живетъ и долго жить будетъ въ памяти народа, умѣющаго отличать и цѣнить достойныхъ служителей церкви». Опускаемъ дальнѣйшія свидѣтельства о несомнѣнной преданности Янковскаго православію, въ чемъ мы никогда не сомнѣвались, о его симпатичномъ характерѣ, о его кабинетной жизни и т. п.

Этотъ отзывъ лица, вполнѣ компетентнаго во всякаго рода церковныхъ вопросахъ, не только уничтожаетъ тотъ мученическій ореолъ, какимъ иные окружаютъ Янковскаго, какъ жертву, но и разбиваетъ собственныя наши предположенія, кои сдѣланы выше въ видахъ уступки людямъ, во что бы то ни стало желающимъ видѣть въ покойномъ протоіереѣ настоящаго поляка. Но не смотря на приведенный отзывъ, мы продолжаемъ уступки и сами представляемъ свидѣтельства, обличающія симпатіи Янковскаго. Живя въ Петербургѣ, мы переписывались съ Янковскимъ и, между прочимъ, просили его, снабдить насъ нѣкоторыми матеріялами, относящимися до исторіи уніи вообще и въ особенности до ея упраздненія,—въ родѣ мемуаровъ, дневниковъ, записокъ и т. п., предполагая, что и онъ могъ владѣть подобными вещами. Приводимъ отвѣтъ Плакида Гавриловича, отъ 22 декабря 1869 г., въ полномъ извлеченіи, опуская неважныя лишь частности:

«Старость одинокая, къ тому же болѣзненная, имѣетъ свои печальныя права, которымъ не завидуйте и не пеняйте на меня, дорогой другъ! Позвольте мнѣ это имя. Я его заслуживаю,—конечно, одною только любовію. Но будь даже силы, у меня теперь нѣтъ уже средствъ исполнить, хотя бы отчасти, ваши приказанія. Говорю теперь потому, что эти средства не такъ-то еще давно у меня были, но я ихъ растратилъ: роздалъ, раздарилъ, дозволилъ уничтожить. А если это сдѣлалъ я, находясь въ положеніи, такъ сказать, немного привиллегированномъ, то можете себѣ представить, какъ распоряжались въ свое время другіе обладатели этихъ компрометирующихъ средствъ, пугавшіеся собственной тѣни. Исторія объ отапливаніи александрійскихъ бань тамошнею библіотекою, за наведеніемъ болѣе точныхъ справокъ оріенталистами, оказалась миѳомъ; ново-очію нашу она была дѣйствительностью. И нужно же случиться такъ, что всего усерднѣе горѣло по иниціативѣ учебнаго вѣдомства. Какая иронія. Но даже для этой самоновѣйшей исторіи не требуйте справокъ на мѣстѣ: ихъ не получите. Почти подобный же совѣтъ, къ несчастію немного запоздалый, приподнесъ бы я вамъ и на счетъ самого выбора предмета вашей монографіи, въ которомъ, повидимому, вы отчасти сошлись съ г. Костомаровымъ. Послѣдняго труда его («Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой») я еще не дочиталъ; но откровенно скажу вамъ, всѣ сочиненія въ подобномъ родѣ, явившіеся у насъ за послѣднее время, напоминаютъ мнѣ произведенія нашей мѣстной (виленской) школы. Въ самомъ дѣлѣ, странная охота стрѣлять на кладбищѣ! Вѣрю чистосердечно въ вашъ девизъ: «Sine

http://rcin.org.pl

irâ et studio». Но какъ скоро становитесь на такой неприступной позиціи, которую нельзя обстрѣливать другимъ девизомъ,—«audiatur et altera pars», невольно приходится недоумѣвать: ужъ не еще ли это одна изъ безчисленныхъ спекуляцій, вызываемыхъ злобою дня? Когда же притомъ сами сознаетесь, что предметъ этотъ вамъ не довольно знакомъ, то, скажите, добрый другъ, какъ тутъ мнѣ не пожалѣть о случившемся, т. е. что не подвернулся вамъ предметъ почище!... О движеніи къ возсоединенію въ концѣ прошлаго столѣтія, «искреннемъ и искусственномъ»,—чтобы вамъ сказать? Развѣ то, что оно никогда не было и не могло быть en masse,—[1]) не могло по той простой, но чрезвычайно важной причинѣ, что здѣшнее духовенство пользовалось относительно болѣе обезпеченнымъ бытомъ и самостоятельностію, т. е. не зависѣло отъ одного мановенія бровей начальства, и руководствовалось принципомъ такъ называемой наслѣдственности, противъ которой можно, правда, много и краснорѣчиво говорить, которая однакожъ на дѣлѣ, въ числѣ многихъ хорошихъ сторонъ, имѣла и эту капитальную, — исключала самую возможность духовнаго пролетаріата и превосходно обходилась безъ всякихъ сборовъ, комитетовъ, попечительствъ и т. п. Обо всемъ этомъ толковать на бумагѣ не удобно и даже напрасно. Но въ дружеской бесѣдѣ, я увѣренъ, мы бы скоро и во многомъ сошлись. А то какъ мнѣ, напримѣръ, рѣшиться сказать такому «строгому» какъ вы, историку, который пробавляется одними только фактами и, кромѣ фактовъ, ничего знать не хочетъ,—что факты, можетъ быть, въ нашу только утилитартарную эпоху играютъ такую важную и видную роль, а и въ царствѣ небесномъ, и со временемъ въ области самой даже исторіи, важнѣе, можетъ быть, фактовъ будутъ считаться ихъ причины и побужденія. Аппелирую къ царствію небесному, между прочимъ, и потому, что, можетъ быть, и мнѣ самому, многогрѣшному и довольно таки пожившему, извѣстны кое-какія причины и побужденія, которыя, казалось бы, совсѣмъ нейдутъ къ фактамъ. Но эти варіанты, безъ всякаго впрочемъ ущерба для исторіи, тихо со мною такъ и сойдутъ въ могилу. Подобныхъ descensio ad inferos навѣрно бываетъ много; но, конечно, до нихъ нѣтъ никакого дѣла ни исторіи, ни вамъ, дорогой другъ».

Въ чемъ же обличаетъ Янковскаго приводимый документъ?—Въ польскихъ симпатіяхъ? Но онѣ, и безъ того, не подлежатъ въ немъ сомнѣнію; а предполагать въ немъ антипатіи полонофобію было бы болѣе чѣмъ странно. Симпатіи къ своему прошлому, къ уніятской порѣ? Но онѣ такъ естественны и законны во всякомъ человѣкѣ, тѣмъ болѣе находившемся въ положеніи Янковскаго, «въ старости одинокой, къ тому же болѣзненной». Въ 1867 г. Янковскій лишился нѣжно любимой имъ жены. Эта потеря имѣла сильное вліяніе на его, и безъ того слабое, здоровье. Онъ, по словамъ очевидца, видимо таялъ и если прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, то «единственно благодаря энергіи и силѣ своего духа». Приводимый нами отрывокъ писанъ въ ту пору, когда покойный протоіерей не только не выходилъ уже изъ дому, но даже не оставлялъ своей половины, состоящей изъ двухъ маленькихъ комнатъ. Въ эту пору состояніе его духа не могло быть особенно свѣтло и прошлое, естественно, должно было представляться ему въ лучшемъ видѣ. При упраздненіи уніи, была, конечно, своя темная сторона, своя изнанка, извѣстная Янковскому,—вотъ что только можно утверждать положительно, основываясь на приведенномъ сейчасъ отрывкѣ. Этотъ отрывокъ, эти симпатіи и антипатіи Янковскаго, его дѣятельность въ словѣ и дѣлѣ, вся его жизнь, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуютъ только одно,—то именно, что личность его была живая и типичная, продуктъ двухъ эпохъ, двухъ цивилизацій, польской и русской. Онъ стоялъ на распутіи этихъ эпохъ, стоялъ не молчаливо, не сложа руки; но въ такомъ положеніи человѣку не легко живется: если онъ и не переноситъ трагическихъ ужа-

[1]) Здѣсь недоумѣніе: П. Г. Янковскій говоритъ объ уніятскомъ духовонствѣ, тогда какъ мы спрашивали его о народныхъ массахъ.

http://rcin.org.pl

совъ, то все же образъ его запечатлѣвается печалью и грустью. Такимъ намъ всегда казался Янковскій даже въ своихъ письмахъ, не смотря на ихъ юмористическую форму.

Мы познакомились съ Янковскимъ при обстоятельствахъ исключительныхъ и, какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ, «почти безпримѣрныхъ». Въ самомъ началѣ 1866 г. мы прибыли въ сѣверо-западный край, въ г. Вильну. Здѣсь не мѣсто распространяться о нашемъ пребываніи въ этомъ городѣ, да теперь и вообще еще не настала пора для обнародованія записокъ или воспоминаній, относящихся къ эпохѣ послѣдняго польскаго мятежа. Событія этого времени не только не содѣйствовали спокойствію историческаго взгляда, но подѣйствовали совершенно въ противоположномъ направленіи, усиливъ раздраженіе полемики и крайне съузивъ горизонтъ большинства изслѣдователей на всѣ русско-польскія отношенія, въ ущербъ дѣла и науки. Мы прибыли въ край, когда громъ оружія уже замолкъ и когда слышался только стукъ и трескъ переставляемыхъ и видоизмѣняемыхъ фактовъ живой дѣйствительности. Работа шла кипучая; мѣстная жизнь представляла совершенный водоворотъ, въ которомъ люди, пріѣхавшіе съ юга и востока, не скоро могли опознаться. Свѣтлою стороною этой кипучей дѣятельности, этой борьбы съ польской гражданственностію, порядками и затѣями былъ ихъ культурный характеръ: поляки впервые столкнулись съ новою силою, которую они прежде игнорировали,—съ русскимъ обществомъ и гражданственностію, оскорбленными ихъ безумными притязаніями. Полнаго спокойствія и отсутствія раздраженія нельзя было требовать отъ русскихъ людей, дѣйствовавшихъ тогда въ краѣ; но, къ сожалѣнію, раздраженіе въ нѣкоторыхъ сферахъ дѣятельности воспреобладало надъ другими побужденіями. Въ иныхъ сферахъ противникъ совсѣмъ молчалъ и не произносилъ ни единаго звука (такъ было въ литературѣ); въ нѣкоторыхъ онъ прятался,—и приходилось вести борьбу и имѣть дѣло не съ живыми людьми, а съ призраками. Если прибавить къ этому наше незнакомство съ исторіей края и съ его бытовыми условіями, то читателю будетъ понятно то прискорбное явленіе, которое обнаружилось въ нашей тогдашней дѣятельности. Дѣятельность эта если не вообще, то въ частностяхъ, стала мельчать; не видя противника, начали опрокидываться другъ на друга; за неимѣніемъ матеріала для серьезной борьбы, ополчались противъ мелочей. Словомъ, почва стала уходить изъ-подъ ногъ; явилась партія самыхъ крайнихъ руссификаторовъ, которую «Московскія Вѣдомости» называли «виленскими клерикалами», хотя въ составѣ ея почти не было лицъ, принадлежавшихъ къ духовенству. Партія эта требовала вездѣ крутыхъ мѣръ и даже укоряла въ слабости и потворствѣ такихъ крупныхъ историческихъ лицъ, какъ митрополитъ Іосифъ, виновникъ упраздненія уніи, и гр. М. Н. Муравьевъ, задушившій послѣдній польскій мятежъ, человѣкъ большаго практическаго ума и отлично знающій край, но не по книгамъ и газетнымъ статьямъ. Отъ этого сорта руссификаторовъ больше всего доставалось мѣстнымъ русскимъ людямъ, туземцамъ и давно обжившимся въ краѣ, которымъ они не могли простить ихъ прошлаго,—ихъ уживчивости съ поляками, ихъ симпатій, ихъ привычекъ и вкусовъ. Отъ нихъ, отъ мѣстныхъ, вмѣсто спокойствія и мира, потребовали вражды и злобы,—и когда не находили ни того, ни другаго, то обзывали ихъ кличками полякующихъ и ополяченныхъ. Не спаслось отъ этихъ фанатическихъ преслѣдованій, частью искреннихъ, но большею частію напускныхъ, и мѣстное православное духовенство, экс-уніяты втораго поколѣнія. Люди перваго поколѣнія въ это время почти всѣ сошли со сцены. Знаменитый митрополитъ Іосифъ, разбитый параличемъ, доживалъ тогда послѣдніе свои дни; архіепископъ Антоній и протоіерей Янковскій жили на покоѣ; оставались еще кое-гдѣ по Литвѣ и Бѣлоруссіи другіе немногіе, въ бездѣйствіи или удрученные тяжестью лѣтъ. Въ эту пору, т. е. въ 1865—1866 г., протоіерей Янковскій, съ его литературною польскою извѣстностію, съ его бритою бородою, былъ бы немыслимымъ явленіемъ не только

http://rcin.org.pl

въ Вильнѣ, но и въ другомъ меньшемъ городѣ, когда не прощались мѣстнымъ православнымъ священникомъ самыя невинныя привычки, составляющія потребность образованнаго класса, какъ музыка, образованіе женщинъ и т. п. Словомъ, преслѣдовалось и обличалось въ полонофильствѣ все то, чего не находили въ бытѣ и въ привычкахъ сельскаго духовенства какой-нибудь тверской или новгородской губерніи. Бѣлоруссофильство, появившееся въ самый разгаръ мятежа и видѣвшееся изо «Дня», самаго симпатичнаго славянофильскаго органа, хотя и противодѣйствовало такому дикому направленію, но, по причинамъ, о которыхъ здѣсь не удобно распространяться, оно производило только большую путаницу въ понятіяхъ и, конечно, противъ воли, только сильнѣе разжигало страсти. Съ конца 1866 г., когда намъ пришлось издавать «Виленскій Вѣстникъ», при новомъ генералъ-губернаторѣ, гр. Э. Т. Барановѣ, партія, о которой идетъ рѣчь и которая начала было играть первенствующую роль, притихла и мало-по-малу, хотя не безъ борьбы, начала сходить со сцены. Если вездѣ еще у насъ въ провинціи не легко издавать періодическій органъ, по скудости дѣльныхъ и грамотныхъ сотрудниковъ, то въ западномъ краѣ, въ Вильнѣ, въ мѣстности, которую воздѣлывала многіе годы и съ громаднымъ притомъ успѣхомъ польская литература, эта трудность, по крайней мѣрѣ, удесятеряется. Намъ еще труднѣе было вести дѣло, такъ какъ первая русская редакція «Виленскаго Вѣстника» сдѣлалась органомъ той крайней партіи, о которой мы сейчасъ говорили. Первымъ русскимъ литературнымъ органомъ въ краѣ были «Литовснія Епархіальныя Вѣдомости», выходившія съ 1863 г., въ которыхъ протоіерей Янковскій былъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ. Онъ помѣщалъ въ этомъ изданіи некрологи своихъ современниковъ, сподвижниковъ митрополита Іосифа по упраздненію уніи, — протоіереевъ Ипполита Гомолицкаго, Михаила Бобровскаго и Прокопія Ситкевича, и нѣкоторыя другія статьи; одну изъ этихъ статей «Виленскій Вѣстникъ» первой редакціи встрѣтилъ болѣе чѣмъ придирчивой выходкой. Намъ стоило не малаго труда привлечь Янковскаго къ сотрудничеству; но, разъ довѣрившись, онъ сдѣлался самымъ усерднымъ вкладчикомъ въ «Виленскій Вѣстникъ» и велъ съ нами дружескую переписку, вполнѣ искренно, но нѣсколько впадающую въ преувеличенную признательность за то вниманіе, съ какимъ мы къ нему относились. Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», при нашей редакціи (съ ноября 1866 по февраль 1868 г.), Плакиду Гавриловичу принадлежатъ всѣ корреспонденціи изъ Слонима и нѣкоторыя изъ гродненской губерніи вообще; имъ же сдѣланъ для насъ переводъ (или передѣлка) его польской повѣсти Староста Каневскій, напечатанный въ фельетонѣ нашей газеты. Въ этой повѣсти дѣло идетъ о чудачествахъ извѣстнаго польскаго самодура конца прошлаго вѣка, Яна Потоцкаго, и о фривольной жизни тогдашняго католическаго монашества. Повѣсть эта проникнута легкимъ юморомъ, съ какимъ любилъ относиться къ жизни John of Dycalp, какъ писатель. Юморъ Янковскаго не глубокъ и едва ли принесъ пользу польскому обществу, болѣе чѣмъ всякое другое нуждающемуся въ сильномъ обличительномъ словѣ. Для характеристики Янковскаго приводимъ еще два отрывка изъ его писемъ,—одинъ, писанный въ сентябрѣ 1867 г., по поводу тогдашней полемики «Вилен. Вѣстника» съ «Голосомъ» и «Москвою», и другой, писанный 4 іюня 1868 г., передъ переѣздомъ нашимъ изъ Вильны въ Петербургъ.

1) «На ваше братское письмо отвѣчаю фельетоннымъ очеркомъ, который, какъ здѣшній типъ, кажется не будетъ лишнимъ въ «Вилен. Вѣстникѣ». Боюсь только, что вы опять готовы на меня наморщиться за легкій тонъ, который однакожъ, смѣю васъ увѣрить, вовсе не легко дается. Не знаю почему, но я какъ-то прихожу къ той мысли, что вы, должно быть, улыбаетесь столь же рѣдко, какъ маршалъ Davoust. А напрасно! Въ самыхъ нападеніяхъ, которымъ вы теперь подвергаетесь, рѣшительно нѣтъ мотивовъ къ серьезному настроенію. Все такъ пошло, избито, придирчиво, а порой и ко-

придирчивый — язвительный

http://rcin.org.pl

мично! Правда, комизмъ этотъ, большею частію, самого дурного тона. Вообще, мнѣ кажется, молчаніе съ вашей стороны самый достойный способъ отвѣта. Конечно, я вамъ прислуживаюсь фразами, набѣжавшими экспромтомъ; но мнѣ кажется, что ваше настоящее положеніе не только вполнѣ достойно, но даже завидно; а то берегитесь s'encanailler. Простите, ради Бога, что пишу не о своемъ: все, повѣрьте, по искреннѣйшему къ вамъ доброжелательству и сочувствію. Мнѣ слѣдовало бы начать покорнѣйшей просьбой, чтобы вы не пощадили моего слога и синтаксиса [2]), да тутъ ужъ дѣло говоритъ само за себя. Что же, однако, дѣлать, когда рѣшительно не съ кѣмъ посовѣтоваться, кромѣ словаря академіи, который или краснорѣчиво отмалчивается, или отвѣчаетъ невпопадъ».

2) «Позвольте, хотя заочно, пожать еще вашу руку въ добромъ городѣ Вильнѣ,—добромъ уже потому самому, что онъ далъ мнѣ возможность узнать васъ. Въ топографіи жизни человѣческой есть какъ бы привиллегированные, особенно счастливые пункты; къ такимъ въ моей жизни принадлежитъ именно Вильна. Здѣсь наткнулся я на нѣсколько людей рѣдкихъ, въ томъ смыслѣ слова, что они сразу, не торгуясь и не примѣриваясь, помѣнялись со мною дружбой. Вы поступили со мною также. Богъ да вознаградитъ васъ и, въ числѣ другихъ благъ, да благословитъ вашу жизнь подобнымъ же счастіемъ! Оно скромно, но должно бы быть очень дорого такимъ, какъ мы, эфемернымъ существамъ. Къ дружбѣ именно идетъ древняя пословица: «bis dat, qui cito dat». Душевно радъ,—и, конечно, не я одинъ,—что вы, между прочимъ, примкнули къ «Петербургскимъ Вѣдомостямъ». Это почти единственная у насъ газета, уважающая себя и достоинство слова,—умная, спокойная, что называется compassée. Передовыя статьи всегда меня радуютъ, а фельетонъ вашего, кажется, знакомца, «Незнакомца», не рѣдко лучше всей журналистики обѣихъ столицъ. Если только удосужитесь, я бы рекомендовалъ вамъ—не уѣзжать изъ Вильны, не познакомившись съ секретаремъ нашего митрополита, М. П. Григо [3]),—благороднѣйшій, прекраснѣйшій и притомъ скромнѣйшій человѣкъ! При громадныхъ дѣловыхъ занятіяхъ, давно и постоянно интересуется и печатнымъ, да и пишетъ самъ, просто на зависть нашему брату. Крайне жалѣю, что не вспомнилъ прежде и не подарилъ вамъ подобнаго знакомства: это было бы куда лучше фотографической моей карточки! Но и теперь еще, послушайтесь моей покорнѣйшей просьбы и познакомьтесь, во имя мое, съ Михаиломъ Павловичемъ. Право, ни теперь, ни послѣ, не будете въ убыткѣ: се человѣкъ, на котораго всегда и во всемъ можно положиться. Не даромъ же эти библейскія фразы такъ и ложатся у меня сами подъ перо. Я бы его подослалъ къ вамъ перваго; но будетъ любезнѣе, если вы его сами отыщете: притомъ же онъ почти не разлученъ отъ нашего больнаго, достойнѣйшаго архипастыря, коего полное къ нему довѣріе выше всей моей рекомендаціи».

Мы слышали, что польскіе литераторы собирали матеріалы для біографіи Янковскаго, которая теперь, быть можетъ, уже и близка къ появленію въ свѣтъ. Въ добрый часъ! Мы первые порадуемся добросовѣстному исполненію подобнаго труда, хотя бы онъ и былъ съ тенденціознымъ направленіемъ, т. е. хотя бы шелъ въ разрѣзъ съ положеніями, высказанными въ настоящей нашей статьѣ. До какихъ бы результатовъ не дошла проэктирумая біографія, но ей не упразднить ни «возсоединительной» дѣятельности Янковскаго, ни его принадлежности къ русской литературѣ, хотя бы въ скромной роли сотрудника «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» и «Виленскаго Вѣстника». Ни русская, ни польская литература, какъ равно ни та, ни другая гражданственность, не нуждаются въ лишнемъ имени, тѣмъ болѣе не первокласномъ. Наша статья не имѣетъ характера ни насильственнаго присвоенія намъ не принадлежащаго,

[2]) Однѣ уже приводимые отрывки изъ писемъ П. Г. Янковскаго избавляютъ насъ отъ необходимости доказывать, что его изящная русская рѣчь не требовала ни малѣйшихъ поправокъ,—качество, рѣдкое даже въ записныхъ авторахъ, по крайней мѣрѣ провинціальныхъ.

[3]) За скорымъ нашимъ выѣздомъ изъ Вильны, знакомство это, къ сожалѣнію, не состоялось.

http://rcin.org.pl

ни... мы хотѣли было сказать: даже спора. Но почему же однако намъ и не поспорить? Споръ этотъ очень любопытенъ, особенно для постороннихъ, для иностранцевъ.

Имъ непонятна, имъ чужда,
Сія семейная вражда!

Еслибы дѣятельность покойнаго протоіерея Янковскаго ничѣмъ не отличалась отъ дѣятельности другихъ поляковъ, принадлежащихъ русской литературѣ, еслибы эта дѣятельность не имѣла болѣе глубокаго и жизненнаго значенія— наша статья не могла бы явиться въ русскомъ періодическомъ изданіи, посвященномъ древней и новой исторіи Россіи.

М. Де-Пуле.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

F
6989